

НЕКОТОРЫЕ ИСЧЕЗНУВШИЕ ТИПЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ПОСТРОЕК

С. АГАФОНОВ

Древнерусские деревянные постройки из-за недолговечности материала и легкости, с которой можно изменить форму сооружения или совсем его уничтожить, дошли до нас в малом количестве. Сохранившиеся до наших дней постройки в результате многочисленных переделок почти все утратили свой первоначальный облик. Исследователь русского деревянного зодчества стоит перед трудностями, которых не знают историки каменной архитектуры. Поэтому в работе по восстановлению первоначального вида русских деревянных построек мы вынуждены искать дополнительные пути, тщательно собирая все мелкие факты, которые позволяют установить изучение небогатых остатков древних деревянных построек.

В этом изучении ввиду возможных случайных изменений, происшедших спустя значительное время после постройки, едва ли не большее значение, чем восстановление первоначального вида данного здания, приобретает установление того или иного композиционного или конструктивного типа русского деревянного строительства.

Следующей стадией изучения является определение времени возникновения или отмирания различных архитектурных типов, отличающихся друг от друга по своему архитектурному образу, назначению или конструкции, и установление причин, вызвавших появление этих архитектурных типов в тот или иной исторический период.

В нашей работе сделана попытка на основании исследования одного чрезвычайно интересного памятника деревянной архитектуры не столько реконструировать его первоначальный вид, сколько доказать существование в древнерусском деревянном зодчестве нескольких еще не описанных архитектурных и конструктивных типов сооружений.

В то же время изучение этой постройки позволяет сделать ряд выводов о том большом мастерстве, которым владел народ, создавший в дереве произведения поистине классического искусства.

* * *

Церковь села Холм стоит особняком среди известных памятников русского деревянного зодчества. Ее древность и заслуженная слава заставляли упоминать о ней почти всех, кто занимался историей русской архитектуры. Однако большинство исследователей, как правило, сомневалось в том, что сооружение возникло в XVI столетии¹. При этом указывали, что верх здания, придающий постройке ярусность и к тому же покрытый крестовой бочкой, должен относиться к XVIII веку и не соответствует его мощной нижней части².

Церковь Богородицы в с. Холм находится в 25 км южнее г. Галича Костромской области и в 1,5 км от самого села³. В XVII веке здесь находилась усадьба князя Волконского. По данным церковной летописи, церковь построена в 1552 году⁴. В ней хранились серебряные блюда 1659 года с надписью «Лета 7167 (1659) сии сосуды к церкви Собору Пресвятыя Богородицы боярин князь Федор Федорыч Волконский в водчине своей селе Холму»⁵.

Основное помещение церкви стоит на подклете, возвышающемся над уровнем земли на 2,5 м. В нижнем помещении под алтарем находится могильный холмик, под которым, по местному преданию, похоронены легендарные братья-плотники строители церкви. В западной части церкви нами было обнаружено неглубокое захоронение — колода, прикрытая тесанной топором доской. Здание церкви деревянное, предельно простой конструкции, рубленое из сосновых бревен толщиной в 31—35 см. В поперечном направлении стены восьмерика связаны тремя прогонами. Каждый из них состоит из трех свободно лежащих друг на друге 16-метровых бревен. По прогонам настлан пол церкви, а концы их поддерживают наружную галерею. Прежде здание стояло без фундамента. При ремонте, произведенном в начале XX столетия, был подведен фундамент и устроен цоколь высотой около 1 м; при этом, вероятно, сохранилась прежняя высота здания, так как цоколь сооружен на месте сгнивших нижних венцов. Тогда же под консоли га-

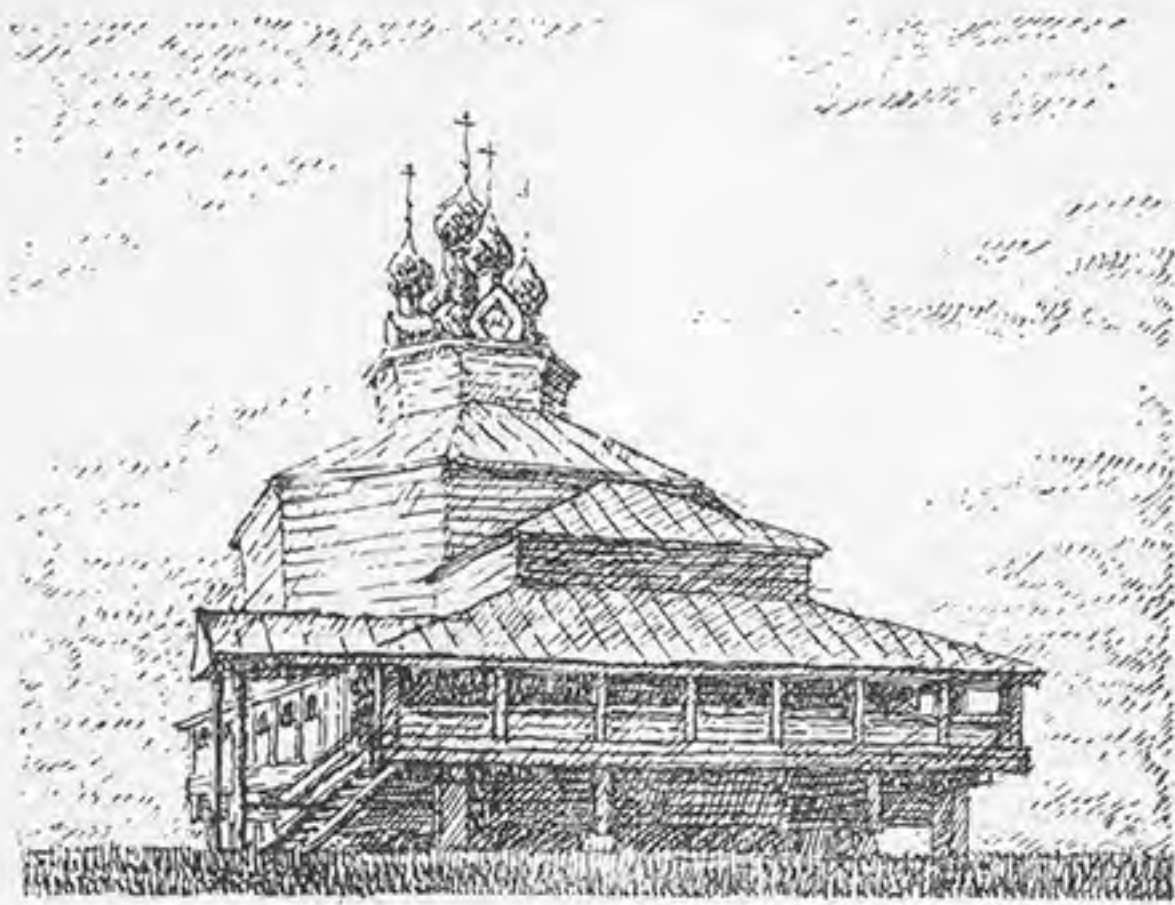

Рис. 1. Церковь в с. Холм, 1552 г. Общий вид. По фотографии С. Орлова (М. Красовский, Русское деревянное зодчество, стр. 297, рис. 379)

Рис. 2. Церковь в с. Холм. Общий вид. Фото 1946 г.

лереи были подведены кирпичные столбы. Крыльцо, находившееся, повидимому, на центральной оси, было еще в прошлом столетии заменено новым, расположенным в северо-западном углу галереи. Старая обработка галереи сохранялась до последнего времени на ее северной стороне⁶.

Окна все новые, расширенные; двери старинного типа, с железными личинами замков. Железные и деревянные части дверей повторяют формы, обычные для хозяйственных построек и изб Галичского района. Церковь была обшита тесом; кровля, а также шеи и маковицы глав — покрыты железом.

Летом 1944 года здесь произошла катастрофа — рухнул верхний восьмерик с крестовой бочкой и главами, задержавшись на балках потолка. Весной 1945 года провалился потолок, и главы оказались стоящими на частично проломленном полу церкви. При этом был сильно поврежден тязловый иконостас и разбито старинное деревянное шестиярусное паникадило (рис. 2, 3).

Церковь расположена на самом краю вытянутого холма-мыса, далеко вдающегося в широкую долину реки Тёбзы⁷. Окруженный со всех сторон широкими далями открытого пространства, замыкаемого волнистой линией высоких склонов речной долины, здание церкви на холме господствует среди этого необычайно красивого по своей эпической простоте и спокойствию пейзажа. Архитектура церкви настолько соответствует ее местоположению, что это сравнительно неболь-

шое сооружение кажется величественным и стоящим как бы в центре организуемого им огромного пространства долины и замыкающих ее холмов.

Основной массив здания представляет собой мощный, но невысокий восьмерик, покрытый довольно пологой кровлей, на которой еще недавно возвышался малый восьмерик, завершенный «крестовой бочкой на четыре лица» с четырьмя малыми главами на коньках перекрещивающихся бочек и с большой главой в центре (рис. 4).

Основной массив с прирубами и галереей воспринимается как единый объем, вытянутый по оси холма и словно продолжающий его массы, причем группа глав, подобно купе деревьев венчает холм. Трудно подобрать композицию, так непосредственно связанную с окружающей природой, так естественно вытекающую из холмистого пейзажа Галичского района.

Внутри церковь построена по принципу постепенного нарастания площади и высоты помещений: из низкой и узкой галереи, связанной в то же время открытыми проемами с окружающим пространством, посетитель входит в прируб трапезной, непосредственно переходящий в основное, наиболее высокое из всех помещений, замкнутое плоскостной иконостасной композицией и невидимым пространством алтаря.

В этом кратком описании исчерпывается также и все содержание плана, по своей схеме почти целиком повторяющего планы наиболее старых из сохранившихся шатровых храмов Севера типа церквей в Лавле (1589), Панилове (1600), Вый-

ском погосте (1600), Белой Слуде (1642), Вершине на Тойме (1672). План Холмской церкви отличается от перечисленных сооружений иным расположением галереи, рубкой в лапу внутренних углов восьмерика и пятистенной формой алтаря.

Большинство памятников древнерусской архитектуры не противопоставляется природе, не отделено от ее пространства резкими линиями, отграничивающими отдельные объемы и плоскости, но органически вырастает из окружающего, как бы сливаясь с природой и в то же время не теряя четкости и самостоятельности форм. Выражается это слияние во всем: в восьмигранной конфигурации основного объема; в переходе от тяжелого низкого восьмерика к малому восьмерику и от него к бочкам и главам, завершенным крестами; в выступах бревен, срубленных с остатком, продолжающих плоскость стен дальше их фактического окончания; в вырезных концах досок кровли, как бы растворяющихся в воздухе и образующих узорные тени на волнистой поверхности стен; в галерее, охватывающей с трех сторон храм, создающей постепенный переход от замкнутого внутреннего помещения к окружающей природе. При этом постепен-

ное проникновение безграничного пространства в ограниченное внутреннее направлено по оси основного движения и замыкается в объеме апсиды.

Если сравнить план церкви в Холме с существующими обмерами планов сооружений древнерусской деревянной архитектуры, то можно заметить, что мастера, создавшие Холмский храм, разрешили свою задачу, наиболее последовательно придерживаясь принципа взаимного проникновения смежных форм и пространств (рис. 5). Лучше всего это сказалось в наличии так называемых оптических поправок, содержание которых отнюдь не исчерпывается чисто зрительным эффектом (нечто вроде зрительного строительного прогиба), а заключается, главным образом, в последовательности, с которой мастер пластически создает архитектурную форму. В древнерусском зодчестве оптические, точнее — пластические поправки служат для смягчения контрастов. Этот принцип выражен, например, в кривых линиях окна Малой Немюги (1643) (рис. 7) или конфигурации ниши в стене колокольни Донского монастыря (1750-е гг.) (рис. 8). и составляет одну из особенностей старинных русских построек⁸. Следуя этому принципу, строители Холмской церкви превратили прямые

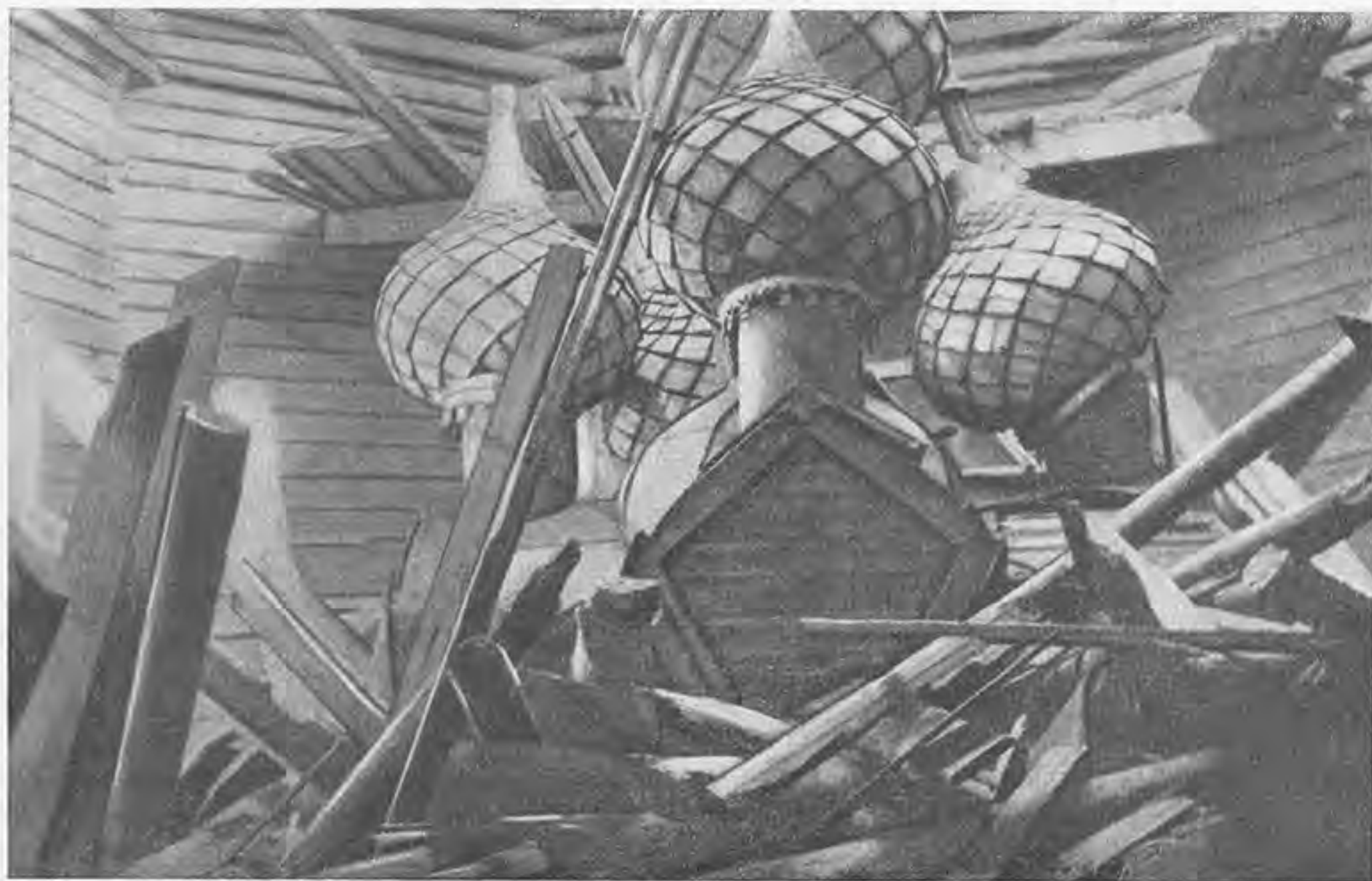

Рис. 3. Церковь в с. Холм. Внутренний вид. Крестовая бочка и главы. Фото 1946 г.

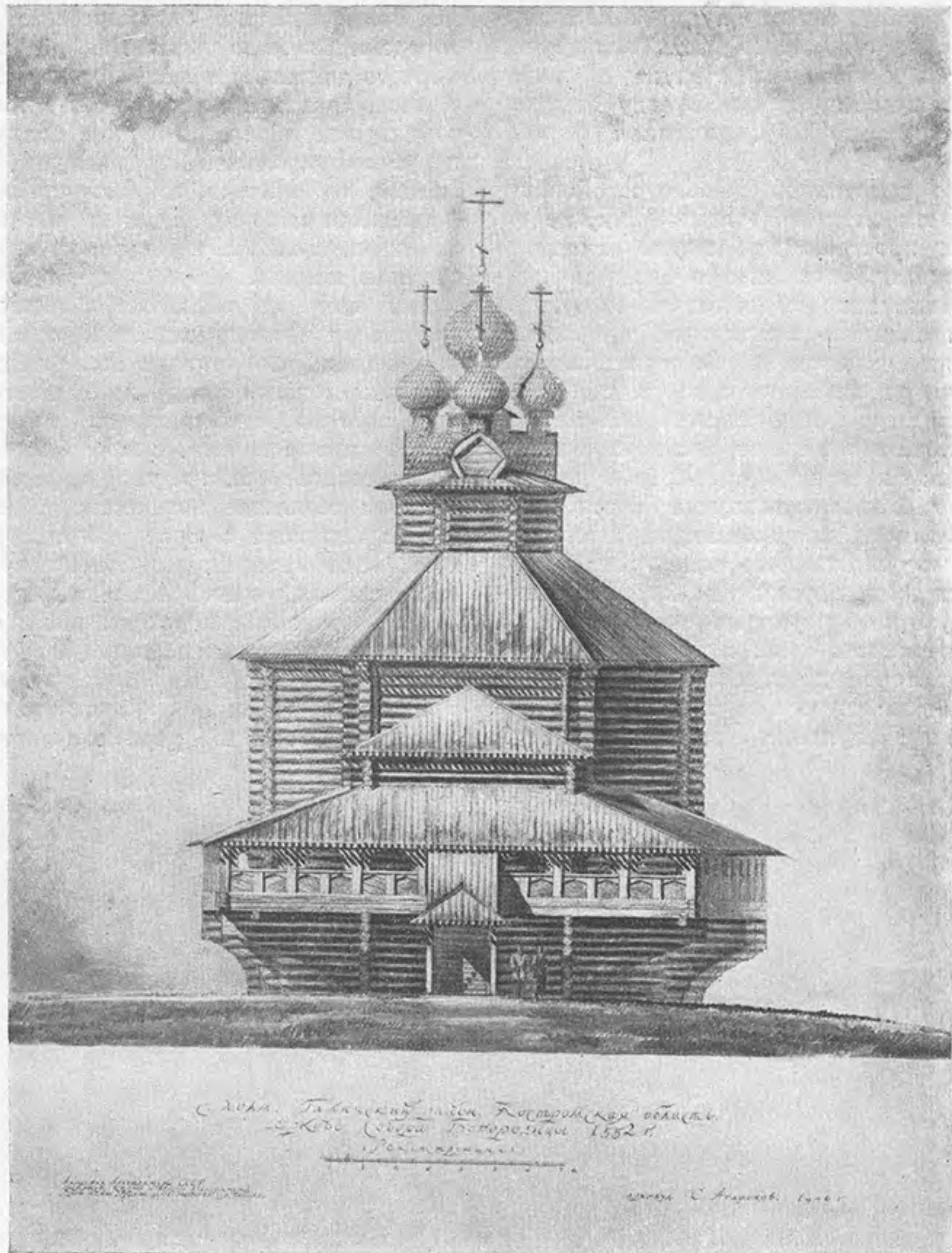

Рис. 4. Церковь в с. Холм. Западный фасад. Реконструкция

углы передней стены галереи в тупые, а острые окончания восточных ее стен в прямые⁹. Прируб трапезной сделан не квадратным, а в форме трапеции, большое основание которой служит западной стороной восьмерика¹⁰. Диагональные стены восьмерика имеют меньшую длину, чем стены, расположенные по странам света. Боковые сто-

роны восьмерика сходятся по направлению к иконостасу — основному направлению зрительного движения. Пятистенный алтарь, в настоящее время значительно деформированный, был прежде, судя по направлению его южной стены, построен по тому же принципу движения к основному объему. При всех этих поправках был

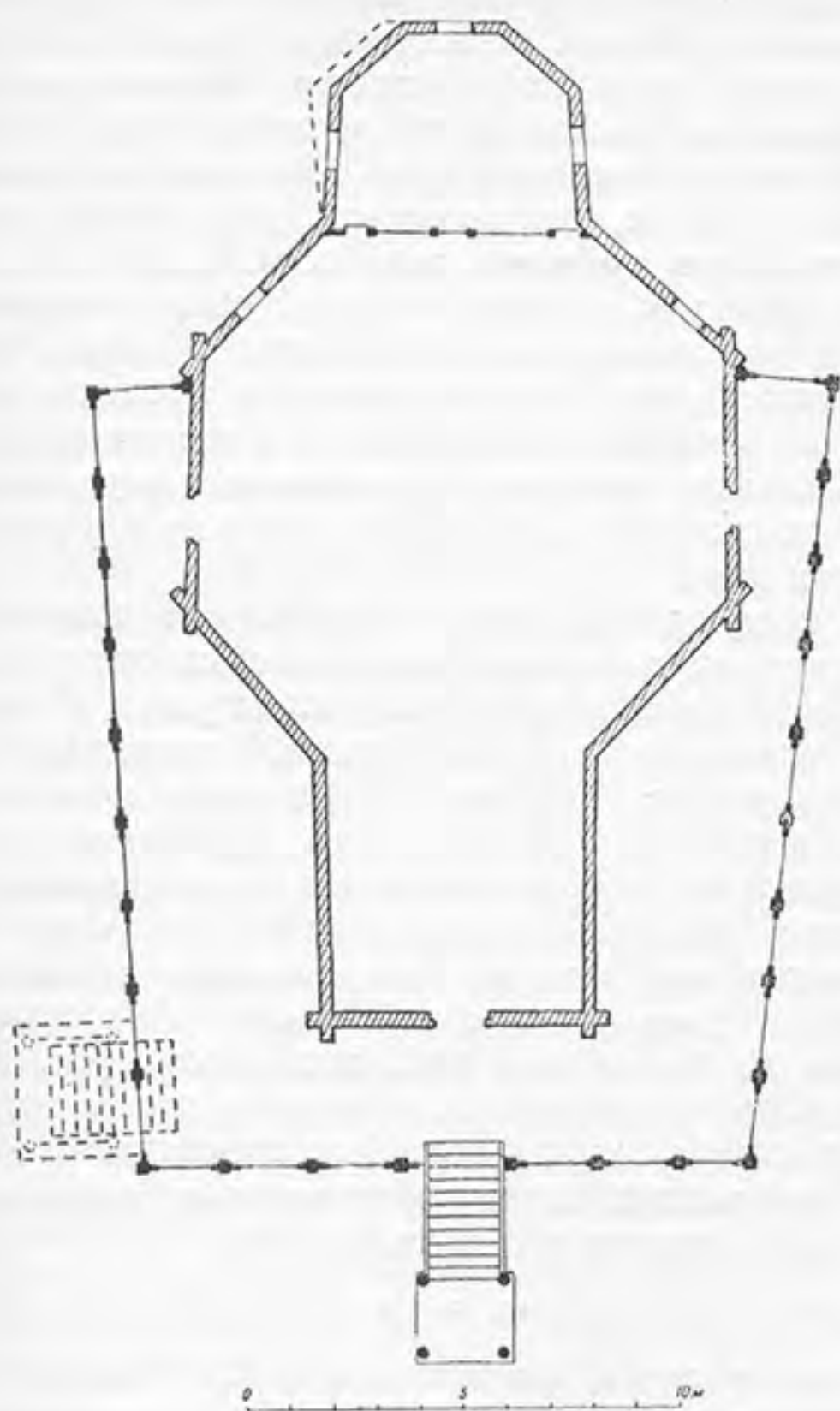

Рис. 5. Церковь в с. Холм. Схема плана. Реконструкция

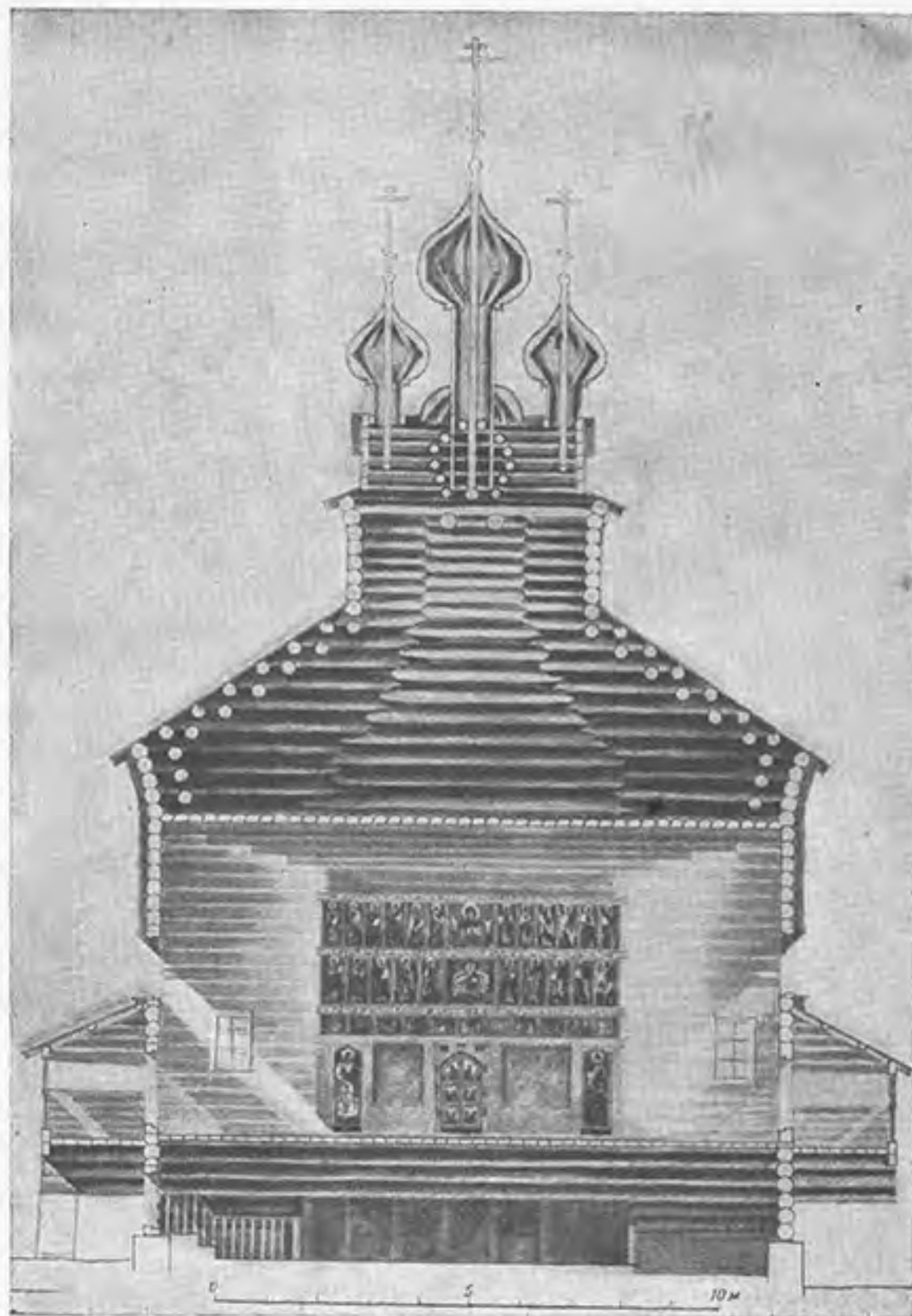

Рис. 6. Церковь в с. Холм. Поперечный разрез. Обмер С. Агафонова и Е. Агафоновой

прекрасно выбран придел, при котором измененные геометрические формы зрительно продолжают восприниматься как правильные. Тупые углы галереи кажутся прямыми, стороны восьмерика — параллельными.

Все эти изменения, мастерски внесенные в геометрическую схему плана, значительно усложняют систему пропорционального построения здания. И хотя можно установить, что как в плане, так и на фасаде за основу разбивки взято отношение квадрата и его диагонали¹¹ (в сочетании с равносторонними треугольниками, построенными на сторонах этих квадратов), но это отнюдь не связывало мастера, который на основе данной системы возводил стены подобно скульптору, легкими отклонениями придавая им положение, наиболее соответствующее тому идейно-художественному образу, который замыслил зод-

чий. Применение пропорциональной системы, усложненной пластическими отклонениями, свидетельствует о том, что строителями церкви были опытные мастера, свободно обращавшиеся с материалом и придерживавшиеся системы пропорциональных отношений, обычной для древнерусской архитектуры.

От шатровых церквей, близких ей по плану, Холмская церковь отличается неоднократно отмеченной приземистостью пропорций, вызываемой небольшой высотой восьмерика (30 венцов против, например, 40 венцов Паниловской церкви, при большей, чем в Панилове, ширине здания).

Приземистые пропорции присущи не только ярусным церквям, завершенным крестовой бочкой. Подобное построение имеют памятники самого разнообразного типа: чисто ярусные, как,

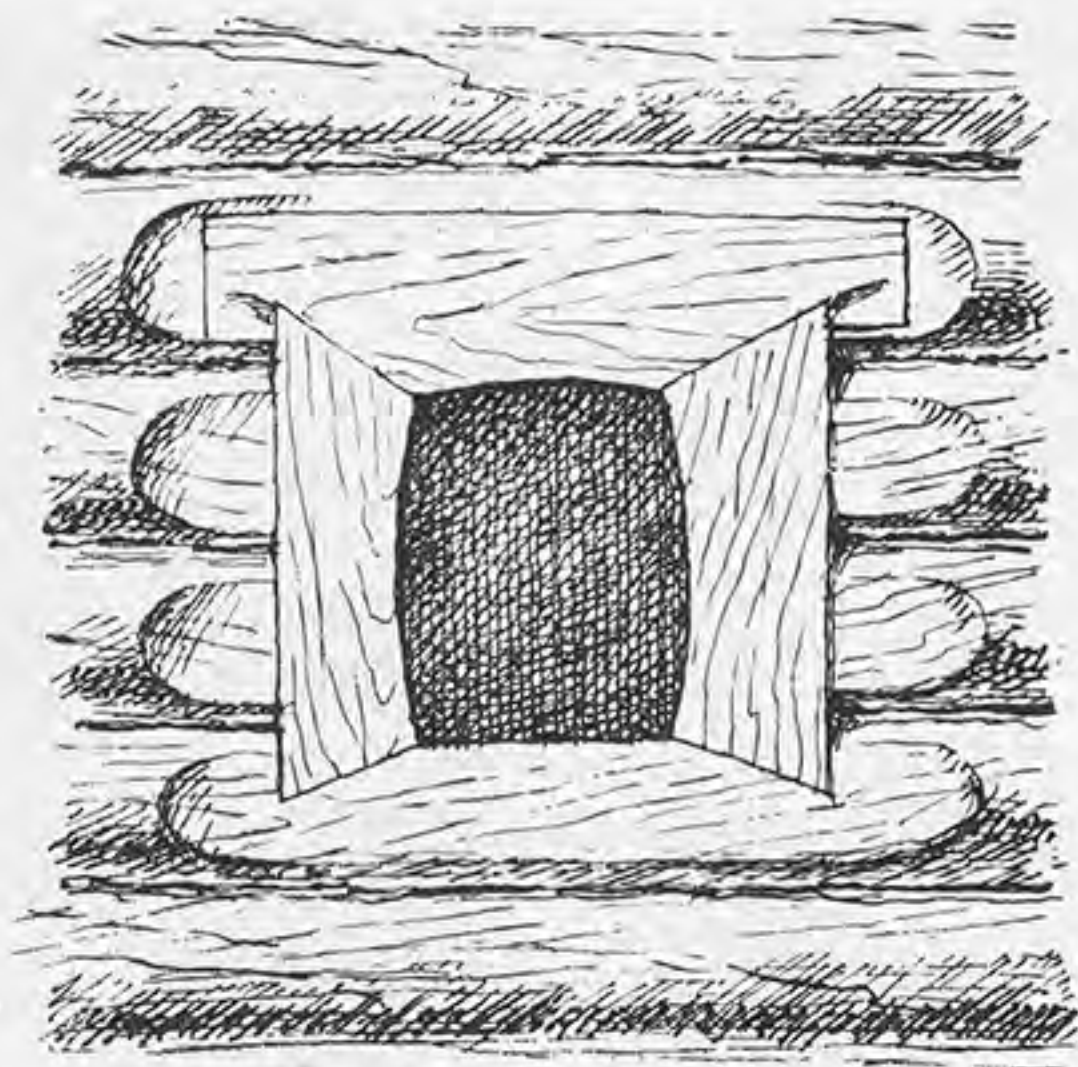

Рис. 7. Окно церкви в с. Малая Немнюга, Архангельской обл., 1643 г.

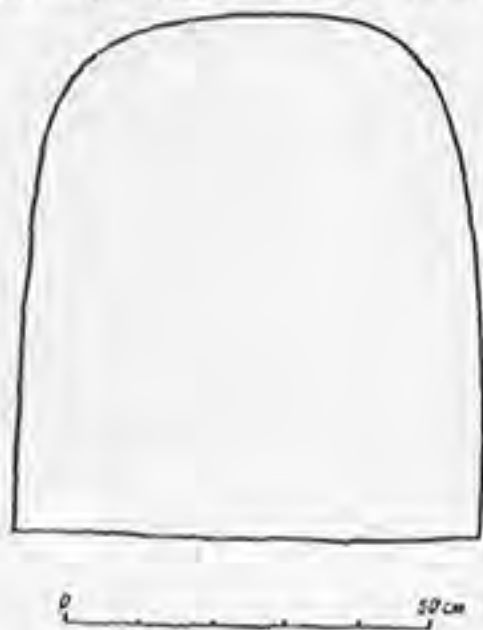

Рис. 8. Ниша в стене колокольни Донского монастыря в Москве

например, Ильинская церковь в Белозерске, и многоглавые, и даже шатровые церкви в Малой Немнюге (Архангельская обл.) или Варнавине (Горьковская обл.).

Переходя к описанию внутреннего устройства Холмской церкви, можно отметить, что оно построено с тем же мастерством, как и наружные объемы. Сверху внутреннее пространство ограничено гладким потолком, насланным по открытым снизу балкам. Потолок имеет по середине подъем по поперечной оси в отличие от потолка, поднятого по продольной оси, как, например, в церкви в Белой Слуде (1642). Косые плоскости гладко обтесанных бревенчатых стен хорошо выделяют центр помещения — алтарь и находящийся перед ним иконостас (рис. 6). Плоскость

последнего разделена на четыре яруса горизонтальными тяблами. В настоящее время от нижнего яруса икон почти ничего не осталось, и осуществить достоверную реконструкцию иконостаса чрезвычайно трудно. Верхние же пояса, несмотря на то, что иконы их, повидимому, переписывались не один раз, сохранили и свою композицию, и, главное, мощный ритм, связывающий все отдельные изображения в единое законченное целое. Эти особенности проявляются в ритме линейного построения и в гармонии цвета, заставляя забывать об отдельных неудачных деталях и сухости, внесенной иконописцами позднейших эпох.

В подцерковье, перед неизвестной могилой, был устроен небольшой иконостас из отслуживших свой срок икон верхнего помещения. Среди них оказались царские врата, исполненные, повидимому, в XVI веке. По красоте контуров и богатству цвета, угадываемого под потемневшей поверхностью, эти врата принадлежат к прекраснейшим образцам древнерусского искусства¹². Чрезвычайный интерес представляет орнаментальный узор, нанесенный синим и красным цветом на белом поле тябловых досок (рис. 9). Выяснение происхождения мотивов этого узора заслуживает специального исследования. Рисунок его рваных завитков напоминает орнамент на столбе церкви в Пучуге (1698).

* * *

Схема плана и соотношение между нижним и верхним объемами давали повод исследователям высказывать предположения, что первоначально Холмская церковь была шатровая, причем на более высоком, чем теперь, восьмерике¹³ и что современное покрытие и крестовая бочка с малым восьмериком остались от перестройки XVIII века¹⁴. Нужно заметить, что никаких документов, указывающих на подобную перестройку, в литературе не отмечалось.

Возникает вопрос: можно ли составить полное суждение о памятнике по этим двум признакам, исчерпывается ли ими все содержание памятника? И если древность нижней части сооружения не вызывает сомнения, то остается под вопросом: действительно ли верх церкви является более новой ее частью или он сохранился от XVI столетия и находится в соответствии с тогдашними или даже еще более древними архитектурными формами?

Конечно, о физической первоначальной сохранности можно говорить только условно; соответствие древнему виду следует понимать как более или менее точное повторение старых форм при

перестройках и ремонтах, особенно неизбежных в верхних частях деревянных построек. Об этих перестройках свидетельствуют не столько бревна малого восьмерика, имеющие ту же толщину, что и материал остальных стен (31—35 см), сколько конфигурация глав и их шеек, наличие купола под центральной главой вместо обычной в таких случаях небольшой шестерни или восьмеричка¹⁵, а также рисунок наружной кривой самой бочки (хотя отсутствие подъема у ее конька вполне соответствует характеру остальных частей здания).

Для решения поставленных вопросов большое значение имеет конструкция перекрытия, образующая переход от большого нижнего восьмерика к малому верхнему (рис. 10). Большой восьмерик перекрыт отступающими от плоскости стен внутрь здания горизонтальными венцами, создающими постепенное уменьшение перекрываемых пролетов. Применением этой конструкции можно объяснить неравенство сторон восьмерика, так как первые бревна клались параллельно коротким сторонам здания.

Данная конструкция известна с глубокой древности в архитектуре различных народов, и вследствие простоты выполнения из горизонтальных венцов — древнейшей восточно-славянской конструктивной системы — должна была издавна применяться и у нас. Вероятно, простота и обычность конструкции послужили причиной того, что ее существование в русской архитектуре ни разу не отмечалось в литературе. Между тем факт применения этой конструкции в холмской церкви заслуживает большего внимания, так как в нем, возможно, нашли отражение древнейшие местные народные строительные и художественные традиции. Конструкции перекрытий, подобные холмским, образующиеся в результате укладки бревенчатого сруба горизонтальными венцами, а также другие системы, основанные на том же принципе, дожили почти до нашего времени в русских деревянных ярусных церквях. Конструкции эти безусловно были распространены у нас значительно раньше второй половины XVII века, когда, как обычно считают, началось строительство ярусных церквей в средних и северных областях России.

Из рубленой конструкции в равной степени могли развиваться формы двух основных типов культовых зданий древней Руси: шатровые¹⁶ и ярусные. С одной стороны, эта конструкция оказывается подходящей для шатровых покрытий зданий как четырехугольного, так и «круглого» плана. Крутые же подъемы шатров вряд ли возникли непосредственно из вертикально рубленых

23*

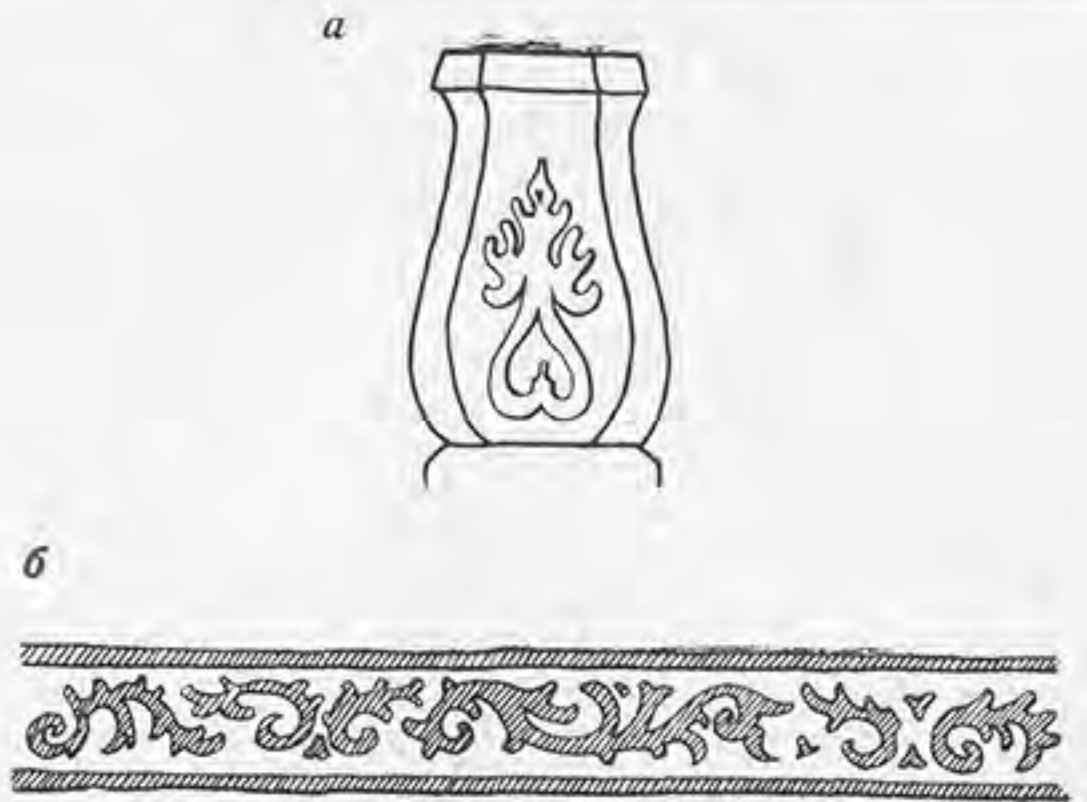

Рис. 9. а — орнамент на столбе церкви в Пучуге; б — орнамент на тяблах иконостаса в Холме

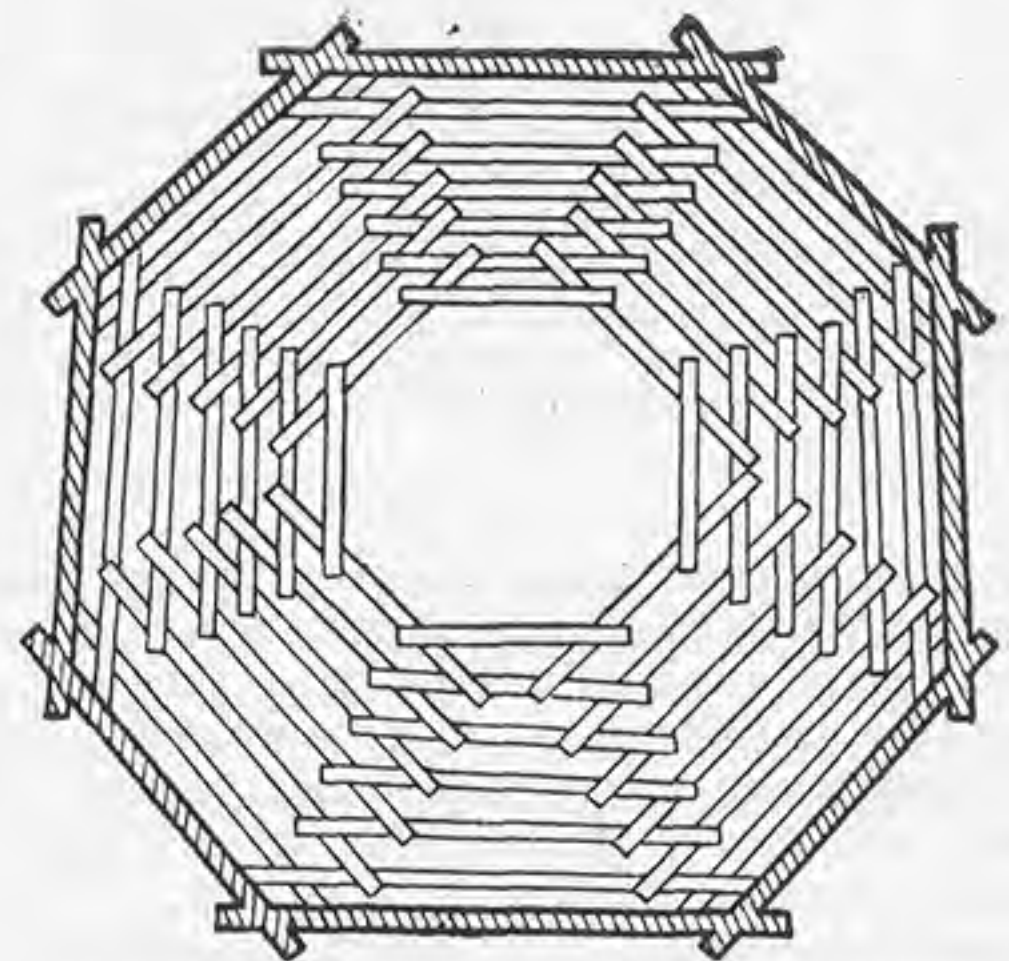

Рис. 10. Церковь в с. Холм. Схема конструкции перекрытия большого восьмерика

стен и должны были иметь своими предшественниками более пологие промежуточные формы¹⁷. С другой стороны, деревянная конструкция ярусных храмов, к которым относят и церковь в Холме, естественно, основывается на той же конструктивной системе.

Обычно историки архитектуры противопоставляют шатровую систему ярусной, считая, что последняя принадлежит русской архитектуре конца XVII и, главным образом, XVIII столетия; обосновывается это положение малой распространенностью ярусного типа на Севере и тем, что боль-

Рис. 11. Преображенская и Никитинская церкви Тихвинского посада. По плану Ивана Зеленина, 1679 г.

шинство сохранившихся ярусных памятников датируется XVIII веком. Однако между этими двумя типами церквей отнюдь нет такого строгого различия. Существует ряд достаточно старых памятников переходного типа, например, шатрово-ярусные, такие, как церковь в Шевдинском городке Вологодской обл. (1625), которая первоначально могла и не иметь закругленного покрытия переходной части, или же как разно-

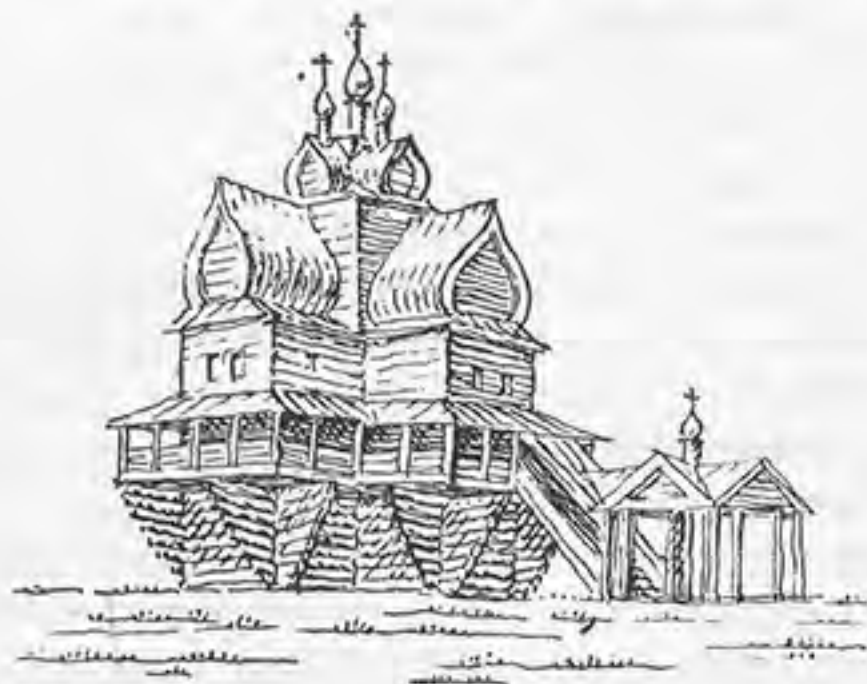

Рис. 12. Церковь в с. Нелазском-Борисоглебском, 1674—1696 гг. По Виноградову

видность того же конструктивного принципа — церковь в Согинцах Ленинградской обл. (1696) и Знаменская церковь с плана Тихвинского монастыря 1679 года.

Постройка, имеющая небольшой шатер на широком основании, изображена на рисунке Мейерберга (церковь в Зимогорье около Валдая¹⁸, см. рис. 16). Последняя по своей композиции сильно напоминает церковь в Холме, отличаясь от нее только трактовкой верха. Вообще в альбоме Мейерберга почти нет шатровых или клетских церквей в их чистом виде: это — или шатрово-клетские, или клетские со ступенчатой (ярус в одном направлении) кровлей, или шатрово-ярусные, почти всегда ступенчатой композиции; на мейерберговском плане Москвы встречаются и ярусные церкви.

К еще более старому времени относятся памятники на акварели Годовикова, изображающей вид Пскова 1581 года по иконе из часовни Владычного креста. Там показаны три деревянные церкви и все три — ярусного типа¹⁹. Если акварель Годовикова не совсем точно отражает действительность, то несомненными являются изображения ярусных храмов в лицевых рукописях XV—XVI веков.

Ярусный тип церквей незаслуженно оставался в тени при изучении истории русской архитектуры, и мы знаем о нем значительно меньше, чем о других типах сооружений, от которых сохранилось большее количество красивых образцов.

Горностаев считает, что ярусные церкви возникли не ранее середины XVII века²⁰, являясь каким то наносным, чуть ли не чуждым русской архитектуре типом. Красовский замечает, что «прототипы церквей, называемых теперь многоярусными, а в старину именовавшихся «четверик на четверике», существовали задолго до того времени, когда этот архитектурный прием вылился в форму действительно многоярусных башен, что произошло бесспорно под влиянием мотивов южнорусского зодчества в XVIII веке. Прототипы эти настолько незамысловаты и так мало отличаются от церквей клетских, что предполагать зарождение их под воздействием каких-либо посторонних влияний, повидимому, не приходится»²¹.

Схематически общий процесс развития русского деревянного зодчества можно охарактеризовать так: входящая в древнейшие сооружения конструкция типа «ступенчатого свода», ведущая свое начало от обычного сруба, являющаяся вариантом его выполнения в наклонной плоскости и до известной степени служащая основой кон-

струкции шатра, вытесняется этим шатром, который становится излюбленной формой русского зодчества. При дальнейшем развитии, в связи с рядом исторических причин, самый шатер исчезает как господствующая архитектурная форма, уступая место, по крайней мере в центральных областях России, ярусному типу, представляющему собой новый вариант развития древнейших конструктивных элементов, которые не выпадали совершенно из набора архитектурных форм народа и проявлялись в своей конструктивной основе в любой русской деревянной постройке.

Верх Холмской церкви завершается «крестовой бочкой на четыре лица»: так названа эта форма в наемной записи 1700 года на постройку церкви в Егорьевском Минецком погосте б. Боровичского уезда Новгородской губернии²². Крестовые бочки, завершающие основные объемы культовых зданий, известны, главным образом, по памятникам восточной части б. Новгородской губернии: в Тихвине (по плану 1679 года, рис. 11), Боровичском уезде (Минецкий погост, 1700 год), Череповецком уезде (с. Старо-Никольское, 1674—1694 годы, с. Нелазское-Борисоглебское, 1674—1696 годы²³, рис. 12), а также на севере Костромской (Холм, 1552 год) и Горьковской областей (Архангельское-на-Волу, 1775 год, рис. 13). Крестовую бочку имеют церковь в с. Пермогорье Архангельской области (1664 г., рис. 14) и, наконец, церковь с. Подсосенье Московской области 1671 (1616?) года²⁴.

Крестовые бочки в соединении с шатром были широко распространены в бассейнах Мезени и Пинеги. Как завершение наиболее парадной части жилого дома — крыльца — крестовая бочка издавна применялась повсеместно на всей территории России. «Священной формой крещатой и обыкновенной бочки отмечены хоромы царя»²⁵ во дворце села Коломенского.

Крестовая бочка в сочетании с шатром часто встречается в памятниках второй половины XVII века. К этому же времени относится и ее воспроизведение в каменной архитектуре. В кирпичных постройках XVII столетия крестовая бочка часто встречается как покрытие церковных крылец (Соликамск) и даже как покрытие основного объема храма (Успенская церковь в г. Горьком 1672 года²⁶).

Распространенная в каменной архитектуре XVI—XVII веков постройка церковных глав на четырех кокошниках, стоящих под прямым углом, очевидно, происходит из той же формы крестовой бочки. В деревянных постройках главы часто основывались на небольших крестовых бочках (Старый собор в Коле, 1681 год, и др.).

Рис. 13. Церковь в Архангельском-на-Волу, 1755 г.

Рис. 14. Церковь в с. Пермогорье, 1644 г.

Рис. 15. Церковь в с. Холм. Перспектива. Реконструкция автора

Даже из этого неполного перечисления можно видеть, что крестовая бочка издавна была любимой формой покрытий как гражданских зданий, так и церквей самого различного плана и объемного построения; слова Красовского о том, что «в конце XVII и начале XVIII веков складывался тип деревянных церквей с крестатым верхом, который покрывался крышами, имеющими форму перекрещивающихся бочек»²⁷, можно принять условно только по отношению к некоторому ограниченному кругу памятников (с. Нелазское и др.); основные типы более старых форм до нас не дошли, но, повидимому, они были ближе по своему образу к церкви в Холме.

Крестовые бочки ставились на зданиях, весьма разнообразных по своей общей объемно-плановой композиции. В одних случаях это был высокий объем типа «восьмерик на четверике», покрытый бочкой, как Никитинская церковь в Тихвинском посаде²⁸ или церковь в Егорьевском Минецком погосте²⁹. Иногда верх такой церкви в плане был крестообразным, как в Пермогорье (1665), иногда многоярусным, подобно высокой церкви в Архангельском-на-Волу 1775 года (последний особенно близко подходит к верху церкви в Холме). Во всех этих постройках, так же как

и в Холмской церкви, крестовая бочка возвышается над единой массой объема.

В церквах другого типа малая крестовая бочка наверху повторялась в нижних ярусах в бочечных покрытиях крестообразно расположенных прирубов. В дошедших до нас сооружениях небольшая высота верха не может зрительно удерживать и связать как бы расплывающиеся объемы боковых пристроек, создавая впечатление неуравновешенности. Именно таковы церкви Череповецкого района (с. Староникольское, с. Нелазское-Борисоглебское и близкая по конструкции церковь в с. Николо-Березовце). По своей композиции эти церкви являются переходными к тому типу многоглавых церквей, силуэт которых постепенно сближается с пирамидальной формой. Церковь в с. Холм, имея бочечный верх на низком, но едином объеме, дает еще один новый тип крестово-бочечной церкви, коренным образом отличный от церквей Николо-Березовца и Нелазского-Борисоглебского, с которыми ее часто сравнивают.

Таким образом, все элементы Холмской церкви, взятые отдельно, относятся если не к древнейшим, то к пережиткам древнейших форм. Но, может быть, общую композицию можно отнести

Рис. 16. Церковь в с. Зимогорье на Валдае. По рисунку Мейерберга 1661—1662 гг.

к стилю XVIII века? Действительно, на первый взгляд, контраст между тяжелым низом и легким размельченным верхом напоминает появившиеся к XVIII веку каменные ярусные церкви с узким башнеобразным верхом, поставленным на сомкнутый свод, который покрывает сравнительно широкое основание³⁰. Однако подобные каменные сооружения XVIII столетия хотя по композиции и имеют предшественников в упомянутых выше деревянных храмах, изображенных у Мейерберга, но по своему архитектурному образу совершенно отличны от монументальной Холмской церкви, органической частью которой является ее верхний восьмерик, завершенный крестовой бочкой.

Композиция церкви в Холме, построенная на пропорциональной системе отношений сторон квадратов и их диагоналей, на сочетании объемов, вписываемых в кубы и пирамиды, с равносторонним треугольником в сечении, отличается монументальностью масс и благородством форм. По своему характеру Холмская церковь чрезвычайно близка к наиболее монументальным памятникам деревянного зодчества, стоящим на границе XVI столетия: церквам в Панилове и Выйском погосте. Все ее формы присущи именно старым постройкам; поэтому нет оснований отказываться от датировки ее 1552 годом.

Правда, поскольку документальные и фактические данные все же отсутствуют, реконструкция памятника за исключением основной композиции с крестово-бочечным верхом (рис. 15) может иметь и другие варианты. Весьма вероятно, например, реконструкция, основанная на упомянутом выше рисунке из альбома Мейерберга (рис. 16), где нижний восьмерик завершается небольшим шатром, основанным на малом восьмерике (рис. 17, 18).

Рис. 17. Церковь в с. Холм. Западный фасад. Вариант реконструкции

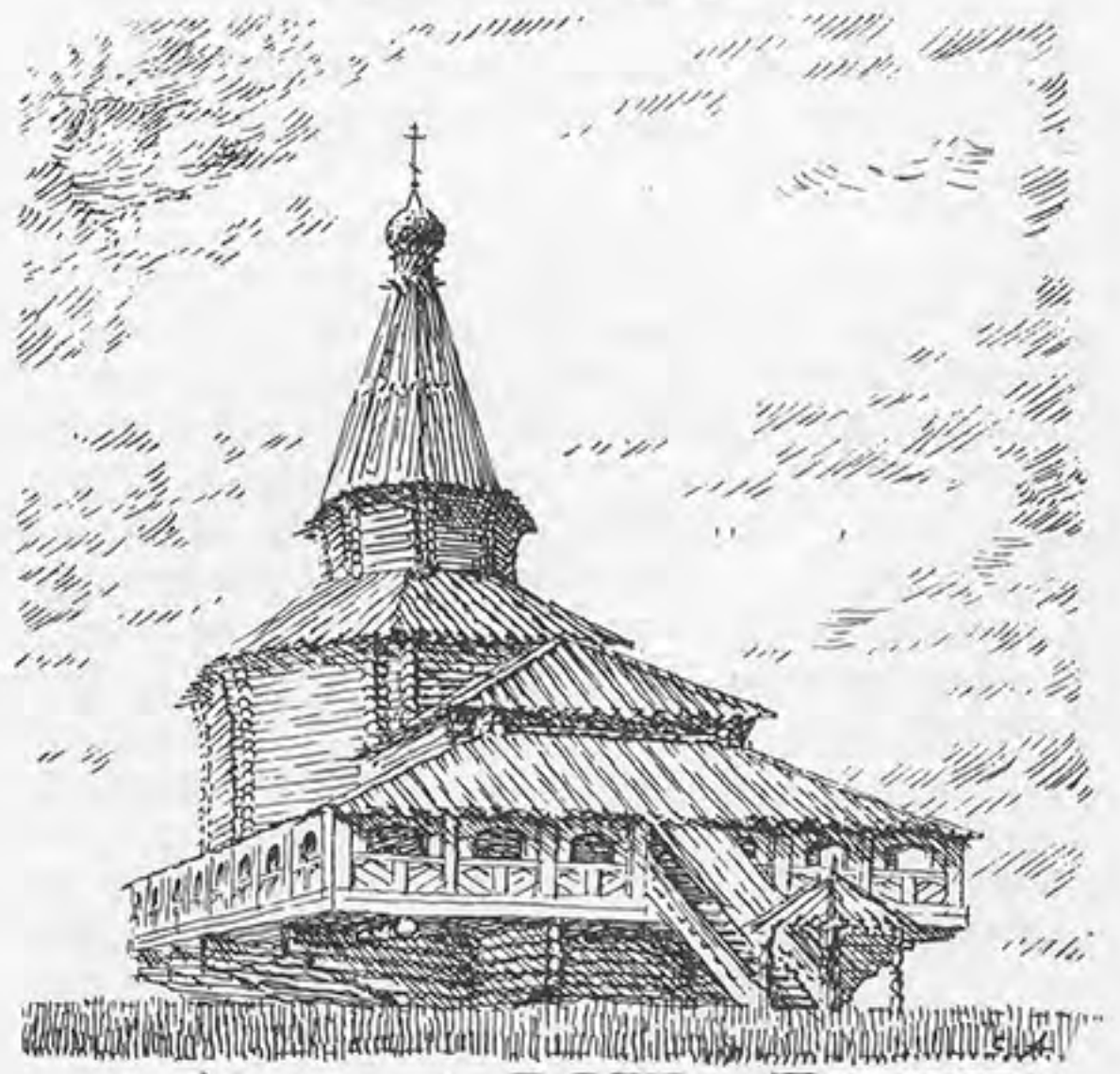

Рис. 18. Церковь в с. Холм. Перспектива. Вариант реконструкции

Рис. 19. Церковь в с. Холм. Западный фасад
Вариант реконструкции с большим шатром

В предисловии ко второму изданию Анти-Дюринга Энгельс писал: «С тех пор как биологию изучают при свете теории эволюции, в области органической природы одна за другой исчезают окостенелые границы классификации: не поддающиеся классификации промежуточные звенья увеличиваются с каждым днем... отличительные признаки, делавшиеся чуть ли не символом веры, теряют свое безусловное значение»³¹. В неменьшей степени эти слова можно отнести и к такой сложной области, как история искусства, где сплошь и рядом даже в одном и том же памятнике, еще в самом периоде его постройки возникают изменения, вносимые процессом развития, зависящим от сложного исторического сплетения обстоятельств, обуславливаемых в конечном счете состоянием производительных сил общества.

Когда историки искусства встретились с таким сложным сооружением, как церковь в селе Холм, которое по своему значению для русской архитектуры нельзя было оставить без объяснения, они обнаружили, что церковь не подходит ни под один из установленных типов древнерусских построек. Вместо того чтобы выявить корни этого сложного художественного явления, некоторые историки объявили замечательный памятник нехудожественным или перестроенным³².

Действительно, не помещаясь в рамки какого-либо определенного типа, Холмская церковь по своим внешним признакам принадлежит одновременно к нескольким типам. Хотя классификация по внешним признакам может и должна иметь место, но она далеко не достаточна, когда речь идет о внутренней выразительности и содержании архитектурного образа. Поэтому, исходя из чисто внешних формальных признаков («пятиглавие», сходство с объемными решениями каменных церквей XVIII века), взятых отдельно от их внутреннего содержания, нельзя причислять Холмскую церковь к поздним памятникам. Вся ее композиция в целом, несомненно, относится к более древнему периоду, вероятнее всего, к XVI веку, что подтверждается и местной традицией, согласно которой постройка церкви осуществлена в 1552 году.

* * *

Из всего сказанного могут быть сделаны следующие основные выводы: план церкви в селе Холм принадлежит к одному из наиболее простых и старых типов; он построен с внесением в его конфигурацию ряда пластически-оптических поправок, находящихся в глубокой связи с построением формы в древнерусском искусстве. Эти изменения геометрической формы по своему пластическому принципу подобны курватурам в архитектуре античной Греции и свидетельствуют об основанном на многовековом опыте художественного творчества высоком мастерстве и культуре русских народных мастеров³³. Наличие подобных изменений в Холмской церкви свидетельствует о явно ошибочной тенденции некоторых искусствоведов рассматривать произведения народного творчества как явления примитивного искусства. Подтверждением того, что мы имеем здесь не случайный факт, служит повторение особенностей начертания плана восьмерика Холмской церкви в плане церкви в Костылихе Горьковской области³⁴ и, возможно, в Преображенской церкви в Кижах³⁵. Несмотря на отсутствие достаточного количества точных обмеров эти примеры позволяют в то же время догады-

ваться о большом значении и распространенности курватур в русском народном зодчестве.

Конструкция перекрытия церкви в Холме аналогична так называемому «ступенчатому своду», известному с глубокой древности; возможно, она является пережитком древних форм, которые могут быть обнаружены новыми археологическими исследованиями.

Крестовая бочка «на четыре лица», являясь древнейшей архитектурной формой древнерусских построек, завершает церковные сооружения почти всех известных в древней Руси типов. Имеются все основания предполагать, что в древности она была широко распространена.

Одной из особенностей русских деревянных церквей является большое разнообразие в композиции верха в сооружениях с одинаковыми планами; поэтому для данного конкретного памятника можно допустить и другие варианты завершения, придающие иной облик всей постройке. Например, основной восьмерик церкви в Холме мог быть перекрыт шатром обычной

конструкции, но в иных пропорциях, чем у известных нам шатровых храмов (рис. 19). Однако подобная реконструкция представляется значительно менее вероятной.

На основе сопоставления остатков Холмской церкви с рисунками Мейерберга можно реконструировать и другой, ныне полностью исчезнувший тип древнерусского храма, имевшего вид небольшого шатра на широком восьмерике (рис. 17, 18).

Древнерусская архитектура далеко не исчерпывается известными нам типами построек, но включает и многие другие, зачастую исчезнувшие задолго до нашего времени, но распространенные в прошлом типы зданий. Восстановить их композицию и конструкцию можно путем тщательного изучения всех особенностей сохранившихся построек.

В этой связи Холмская церковь и ей подобные памятники приобретают огромное значение как возможные недостающие звенья в развитии древнерусского зодчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Церковь датируется XVIII веком в таких капитальных изданиях, как: И. Грабарь, История русского искусства (т. I, стр. 433); М. Красовский, Деревянное зодчество (Пг. 1916, стр. 298); С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов, Русское деревянное зодчество (М. 1942, стр. 171). Авторы последнего труда берут датировку XVIII веком под сомнение, указывая на 1552 год как на вероятную основную дату строительства.

² Лучшую фотографию памятника в прежнем его виде до обрушения 1945 г. можно найти у Красовского (цит. соч., стр. 297, фото С. Орлова) (рис. 1).

³ Подробный обмер и исследование памятника были произведены в 1946 г. экспедицией Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР по изучению деревянного зодчества Костромской области в составе: С. Л. Агафонов (руководитель), Л. В. Варзар (зам. руководителя), Е. П. Агафонова, Е. А. Белоусова. Руководитель темы «Русское деревянное зодчество» — С. Я. Забелло.

⁴ «Известия имп. Археолог. комиссии», вып. 31, стр. 160.

⁵ «Известия имп. Археолог. комиссии», вып. 31, стр. 161. Один из предков Ф. Ф. Волконского воевода Иван Федорович Волконский — вождь Костромского ополчения. 1611 г. (Акты Археографической экспедиции, т. II, № 188).

⁶ См. фотографию в статье Дунаева «Деревянное зодчество северо-востока Костромской губернии» («Труды ком. по сохр. древних памятников», VI, М. 1915).

⁷ Высота холма — около 50 м над уровнем заливных лугов.

⁸ Здесь можно было бы добавить ряд других не менее характерных примеров, относящихся к различным периодам в истории русского искусства. Это составляет содержание особой статьи, над которой автор работает в настоящее время.

⁹ Таким образом, восточные короткие стенки галереи не следуют направлению поддерживающего их бревна консоли, как это было бы конструктивно более естественно. Все описанные здесь изменения геометрической формы настолько последовательны и закономерны, что отличие их от случайных деформаций (также имеющих место) ясно с первого взгляда на чертеж плана.

¹⁰ Подобную (но более утрированную) форму имеют в плане ветви креста церкви в Немилове (М. Драган, Українські деревляні церкви. Львів, 1937, рис. 14).

¹¹ П. Н. Максимов (Опыт исследования пропорций в древнерусской архитектуре, «Архитектура СССР», № 1, 1940, стр. 69) находит, что это наиболее распространенная в русском деревянном зодчестве пропорциональная система, встречающаяся в 34 из изученных им 39 старинных деревянных построек.

¹² Участниками экспедиции 1946 года были выполнены акварели иконостаса (Е. Агафонова), обмер и акварели царских врат (Е. Белоусова, Л. Варзар), копии отдельных клейм врат XVI века (Е. Агафонова, Е. Белоусова).

¹³ М. Красовский, цит. соч., стр. 298.

¹⁴ Там же, стр. 298, С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов, цит. соч., стр. 171.

¹⁵ Церковь в Егорьевском Минецком погосте (И. Забелин, Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М. 1900).

¹⁶ С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов, цит. соч., стр. 9.

¹⁷ М. Красовский, цит. соч., стр. 231.

¹⁸ Альбом Мейерберга, Виды и бытовые картины России XVII века, СПб 1903, стр. 10.

¹⁹ По изображению у Грабаря, цит. соч., т. I, стр. 263.

²⁰ И. Грабарь, т. I, стр. 318.

²¹ М. Красовский, цит. соч., стр. 293. Правильное в основном положение Красовского включает все же переоценку влияния южно-русского духовенства на архитектуру центра и севера России. Приводимой им дате появления многоярусных храмов (XVIII век) противоречит существование таких памятников, как деревянная церковь 1650 года в с. Старые Ключищи, Горьковской обл. Кроме того, следует добавить, что старинные церкви «четверик на четверике» также имели ярусный башнеобразный характер.

²² Акты юридические, изд. Калачевым, т. II, стр. 521.

²³ Виноградов, Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской, XVII и XVIII века, «Зап. ИРАС», VI, нов. сер., стр. 293.

²⁴ Была перенесена в Корбуху Московской обл.

²⁵ Евдокимов, Север в истории русского искусства, Вологда 1921, стр. 52.

²⁶ Интересно отметить, что в Горьком же, в Строгановской, Рождественской церкви в конце XVII — начале XVIII веков была воспроизведена в камне и другая форма завершения деревянной постройки, аналогичная по конструкции крестовой бочке, того типа, который

сохранился в верхе деревянной церкви села Николо-Березовец на Ноле, Костромской обл.

²⁷ М. Красовский, цит. соч., стр. 192.

²⁸ По изображению на плане И. Зеленина 1679 года П. Н. Максимов (цит. соч.) дает иной вариант реконструкции, но в соответствии с общим характером графических представлений автора плана Никитинская церковь должна восстанавливаться как крестово-бочечная.

²⁹ Согласно наемной записи 1700 года.

³⁰ Например, Панкратьевская церковь в Москве, 1700 год, а также церкви с. Сезенева, 1757 год, с. Волковского, 1773 год. (Кировская обл.) и многие другие.

³¹ Ф. Энгельс, Предисловие ко 2-му изд. Анти-Дюринга, Диалектика природы, М.—Л. 1930, стр. 271.

³² М. Красовский, цит. соч., стр. 296.

³³ В. Суслов, Д. Милеев, Л. Сологуб и другие исследователи русского деревянного зодчества не фиксировали изменений в геометрической форме срубов. Поэтому мы до сих пор знали памятники народного деревянного зодчества только в их схематизированной геометрической форме. Применяемые советскими исследователями научные методы обмера памятников архитектуры позволили выявить наличие закономерных отклонений от геометрической формы.

³⁴ См. статью «К вопросу об открытых внутри шатрах в древнерусском деревянном зодчестве».

³⁵ См. обмер арх. Гнедовского и Лисенко, выполненный в 1949 году для Управления по охране памятников архитектуры при Совете Министров Карело-Финской ССР. Сильная деформация сруба не дает возможности сделать здесь окончательный вывод.

Фото, рисунки и чертежи, помещенные без указания источника, выполнены автором